

Глава 21. Боль

В первый раз Бай Ичэнь пришел в себя в начале десятого утра. Вчерашний ливень не прошел бесследно: простуда обострилась, и даже без термометра он понимал — температура перевалила за тридцать восемь. Идти на смену не было и речи. Кое-как пересилив себя, он набрал номер босса Чэня и, запинаясь, отпросился. Затем, с трудом поднявшись, Ичэнь заглянул в чайник — там оставалось немного воды, стоявшей, кажется, уже целую вечность. Он жадно выпил всё до капли, пытаясь унять пожар в горле.

Но стоило ледяной воде коснуться желудка, как его, и без того бившегося в ознобе, словно швырнули нагим в сугроб. Внутренности сковало холодом, кровь застыла в жилах, а желудок пронзило острой, как иглы, болью. Ночью, скинув мокрую одежду, Бай Ичэнь уснул, завернувшись в одну лишь простыню. Теперь же, умирая от холода и не имея сил искать чистые вещи, он выудил из шкафа пододеяльник, закутался в него и повалился обратно в кровать, накрывшись одеялом с головой.

Второй раз он проснулся в три часа дня — вернее, его вырвала из забытья невыносимая ломота. Раскалывалась голова, саднило горло, ныли суставы и поясница... Он чувствовал, как всё тело пульсирует болью. Стоило открыть глаза, как стены поплыли, а потолок накренился так, будто вот-вот рухнет. Бай Ичэнь понимал: лихорадка усиливается. Сердце сжималось от холода, а в голове будто развели костер, выжигающий сознание.

«Надо в больницу», — пронеслось в мыслях. Он попытался сесть, но едва спина оторвалась от матраса, как дикая головная боль и резь в желудке уложили его обратно. Сил не было даже на то, чтобы шевельнуть пальцем.

«Я не могу здесь сдохнуть, — упрямо подумал он. — Моя жизнь еще даже не началась. Я должен поступить в университет. Я должен жить лучше всех...»

Нащупав у подушки телефон, он открыл список контактов. Первым в списке значился Ань Но. Одно это имя отозвалось в сердце такой резкой болью, что она на мгновение заглушила даже ломоту от высокой температуры. Ичэнь пролистнул вниз: босс Чэнь, Линь-цзы, Сяо И, Чжэн Жуй...

Палец снова нажал на кнопку, и список вернулся к самому началу: Ань Но.

Бай Ичэнь нажал на вызов.

Ань Но принял звонок, когда мучительно размышлял над тем, как подобраться к Лю Бо. Внезапная трель заставила его вздрогнуть. Схватив трубку, он коротко бросил:

— Да.

Это простое «да» выбило у Бай Ичэня слезы. Он и сам не мог бы объяснить почему, но голос Ань Но вернул ему то самое забытое чувство безопасности. Долгие годы одиночества и невзгод научили его носить непроницаемую маску — яркую, улыбчивую, солнечную. Окружающие любовались этим юношеским задором, но никто не испытывал к нему жалости. Никто не спрашивал: «Ичэнь, а ты правда счастлив?»

Со временем он и сам об этом забыл. Забыл, что он — всего лишь восемнадцатилетний мальчишка, которому отчаянно нужны забота старших, поддержка друзей и нежность любимого человека. Ичэнь заставлял себя верить, что он — мужчина. Пока мама была жива, он был опорой дома; когда её не стало, он стал опорой для собственного будущего.

Он слишком долго был сильным.

Бай Ичэнь коснулся лица — пальцы стали мокрыми. Оказывается, он всё еще умел плакать.

— Гэ... Старший брат Ань...

Ань Но замер, услышав первый же всхлип. Мальчишка плакал!

— Сяо Бай? Что случилось? Не плачь, расскажи мне, что с тобой? Ты где? — Ань Но прижал телефон плечом к уху, на ходу натягивая одежду и хватая ключи. С Бай Ичэнем явно случилась беда. Этот парень никогда не лил слез — всегда улыбался, искрился энергией. Даже в самые тяжелые минуты у него лишь краснели глаза. А сейчас его голос дрожал, был настолько слабым, что казался почти прозрачным. Ань Но в спешке не мог попасть ногой в штанину, чертыхаясь и прыгая на одной конечности по комнате.

— Старший брат Ань, я... я заболел. Ты не мог бы... помочь мне добраться до больницы? Мне больше не к кому обратиться, — Ичэнь неосознанно перешел на вежливый тон. «Помочь? Наверное, я стал для него обузой».

Ань Но буквально захлестнуло яростью от этого «не мог бы ты помочь». В груди всё полыхнуло. Этот мальчишка решил с ним в любезности поиграть?! Пару месяцев назад он стоял у входа в «Пылающее искушение» и дерзко бросал ему в лицо всякие колкости. Неделию назад он настырно требовал проводить его и с невозмутимым видом выбивал приглашение на ужин. Неужели одна-единственная фраза «мы просто коллеги» так подкосила его, что теперь он извиняется за просьбу о помощи?

«Бай Ичэнь, тебе лучше и впрямь быть при смерти, иначе я тебя лично придушу!»

С этой бешеной смесью гнева и тревоги Ань Но вскочил на мотоцикл. Стрелка спидометра поползла вверх, разрезая городской воздух.

Спускаясь по сырой, холодной лестнице, Ань Но почувствовал затхлый запах плесени. В подвале, где никогда не бывает солнца и почти нет вентиляции, этот запах въедается в стены навечно. «И он живет здесь?» — от этой мысли недавний гнев Ань Но испарился, оставив лишь тупую, ноющую боль в груди.

Когда Бай Ичэнь, шатаясь, открыл дверь, Ань Но на мгновение оцепенел. Перед ним стоял бледный, как призрак, мальчишка, которого колотило в неудержимой дрожи. Ань Но в один прыжок оказался рядом и сгреб его в охапку. Жар, исходивший от Ичэня, обжег его даже сквозь слои ткани.

Ань Но подхватил его на руки. В обычной жизни Ичэнь казался жилистым и крепким, вечно в движении, вечно в делах. Но сейчас, прижав его к себе, он поразился тому, какой тот легкий — почти невесомый, словно дымка. Он крепче сжал объятия, прижался губами к горячему лбу парня и прошептал ему на ухо:

— Всё хорошо, Сяо Бай. Я здесь.

— Гэ... — Ичэнь вцепился в воротник его куртки, пряча лицо на плече Ань Но. Он чувствовал, как сильно бьется артерия на шее мужчины, ощущал его тепло. Широкая грудь и сильные руки давали то самое чувство надежности, которого ему так не хватало. — Гэ, у меня жар... Мне некого было позвать... Прости.

Это «прости» ударило Ань Но в самое сердце. В этот миг всё внутри него будто рассыпалось в прах. Это не была просто вина или сострадание — Ань Но почувствовал, как жизнь уходит из его собственного тела, уступая место разрушительной, раздирающей душу боли.

Он посмотрел на восковое лицо и искусанные губы Ичэня, едва сдерживая порыв прильнуть к ним, чтобы хоть немного согреть. Когда он опустил его на кровать, ладони коснулись влажных от пота, ледяных простыней. Ань Но оглядел каморку: пятна плесени по углам, из мебели — только кровать да облезлый шкаф. Старый телевизор выглядел так, будто помнил еще времена культурной революции.

Ярость вспыхнула с новой силой.

«Бай Ичэнь, что ты с собой делаешь? Решил довести себя до могилы?!»

Ань Но хотелось встряхнуть его, наорать, заставить объясниться. Он не понимал, зачем этот ребенок так истязает себя. Неужели ему настолько нужны деньги? Учеба, жизнь, содержание А-по — сколько всё это стоит? «Я бы отдал тебе всё, Глупый Сяо Бай! Ты называешь меня братом, так почему не сказал, что тебе трудно? Довел себя до такого состояния и еще извиняешься!»

Подавляя рычание, Ань Но сорвал с него мокрые простыни, в которые тот был замотан. Перед ним предстал худой, изможденный Ичэнь с выступающими ребрами. У Ань Но задрожали руки. Ему пришлось сделать несколько глубоких вдохов и до боли стиснуть зубы, чтобы не сорваться на крик прямо здесь.

Он быстро нашел в шкафу самую теплую одежду, натянул её на Ичэня и, не проронив ни слова, понес его к выходу.

Бай Ичэнь, прижавшись к нему, сквозь пелену жара чувствовал: Старший брат Ань злится. Хоть тот и молчал, Ичэнь ощущал это каждой клеточкой. «Я всё-таки стал для него обузой, — тоскливо подумал он. — У него единственный выходной, а он вынужден возиться со мной. Наверное, иметь такого проблемного "коллегу" — сплошное мучение».

«Но... я хотел увидеть только тебя, Старшего брата Аня».

«Раз уж я заболел, позволь мне хоть раз побыть капризным».

«Ведь раньше я даже не знал, что это такое — капризничать».

Слезы снова покатались по щекам. Сердце колотилось слишком быстро и болезненно. Он когда-то верил, что Ань Но станет для него кем-то важным — братом, опорой, другом. А на деле в глазах Ань Но он был лишь случайным знакомцем из бара...

Ань Но чувствовал эти обжигающие слезы на своей шее. Он не знал, о чем плачет этот дуралей, но его собственный гнев только разгорался: «Мальчишка бредит, а всё равно плачет. Как же ему, должно быть, горько?»

Нужно было немедленно доставить его к врачам.

Ань Но поймал такси и, не переставая, требовал от водителя гнать быстрее, прямо к дверям больницы.

Чжоу Сюй заполнял карты в приемном покое. Он только что закончил зашивать чью-то окровавленную голову, и в глазах у него до сих пор стоял багровый туман. И в этом тумане вдруг возникла высокая фигура с кем-то на руках. Чжоу Сюй поморщился: первым делом отметил, что внешних травм нет, а вторым — с облегчением подумал: «Слава богу, не мой профиль».

Но когда рослый мужчина пробежал мимо, Чжоу Сюй всё же мазнул по нему взглядом.

Бай... И... Чэнь...

В памяти доктора тут же всплыла та бесконечная тирада без единой запятой, которой этот парень осыпал его в прошлый раз. Чжоу Сюя передернуло. Такое не забывается — кажется, образ Бай Ичэня выжжен в его мозгу навечно.

Он перевел взгляд на мужчину, несущего парня. Лицо показалось знакомым. Впрочем, в прошлый раз Ань Но был настолько залит кровью, что Чжоу Сюй с трудом различал в нем человеческие черты. Как бы то ни было, доктор меньше всего на свете хотел снова связываться с этой парочкой, поэтому он поспешно опустил голову и уткнулся в свои бумаги.

Когда Ань Но опустил Ичэня на смотровую кушетку, тот уже провалился в полузабытие. Врачи действовали быстро: взяли кровь, сделали рентген. Убедившись, что это тяжелый грипп, а не пневмония, ему поставили капельницу с жаропонижающим. Доктор велел Ань Но давать больному как можно больше воды, прослушал легкие и умчался к другим пациентам.

Процедурный кабинет был разделен шторами на небольшие секции. Бай Ичэнь лежал на кровати; бледность сменилась лихорадочным румянцем. Ань Но коснулся его лба — кожа была такой горячей, что пальцы засадило.

Наконец наступила тишина. Ань Но почувствовал, как его собственный пульс постепенно приходит в норму. Он положил руку на край подушки, едва касаясь щеки юноши. Кожа была тонкой и нежной. Он вспомнил тот ужин, когда мимоходом коснулся шеи Ичэня — то же ощущение шелковистой мягкости. словно повилика: едва коснувшись кончиков пальцев, она пускает свои тонкие ростки, которые мягко, но неумолимо ползут вверх, прорастая сквозь сосуды и ткани прямо к сердцу. И там, у самого средоточия жизни, они сплетаются в тугий узел, заставляя дышать и чувствовать в унисон.

Но Бай Ичэнь не был повиликой. Он был сильным, открытым, искренним. У него была яркая внешность и приглашение в один из лучших вузов страны. Его будущее виделось Ань Но величественной сосной — с прямым стволом и густой кроной, подпирающей небо.

«Если он — сосна, то кем должен быть я, чтобы быть его достойным?» — подумал Ань Но.

Сейчас эта будущая сосна беспомощно лежала на больничной койке, и в руках Ань Но она казалась хрупким саженцем. У него были изумрудные листья, но сам он был так слаб, что мог сломаться от любого порыва ветра.

«Как мне защитить его?»

В голове вдруг пронзительно закричал внутренний голос: "Беги от него. Оставь его, пока не поздно".

У Ань Но похолодело внутри, пальцы дрогнули, но он не отстранился. Напротив — он накрыл ладонью горячую щеку Бай Ичэня, прижимаясь к ней всем сердцем.

<http://bllate.org/book/18167/1750873>